

Т е м а н о м е р а : Профессионал как субъект социального действия

Профессионал как социальный актор: случай или правило?

Яницкий Олег Николаевич – доктор философских наук, профессор, заведующий сектором социально-экологических исследований Центра теоретических и историко-социологических исследований ИС РАН

E-mail: oleg.yanitsky@yandex.ru

Профессионал как социальный актер: случай или правило?

Аннотация

В статье с позиций активистской социологии анализируются теоретические и методические принципы превращения учёного-профессионала в социального актора. Утверждается, что в современных условиях такое соединение ролей необходимо, в том числе и для социологов. На основе эмпирических исследований выявляются основные фазы названной выше трансформации.

Ключевые слова: профессионал, активист, фазы трансформации, исторический опыт, Россия

«Мир – театр, люди – актёры»

В. Шекспир

«Знание – сила»

Ф. Бэкон

Проблематизация

Исходный пункт предлагаемого ниже анализа – активистская парадигма в социологии, предполагающая, что «социальные структуры современных демократических и мультикультурных обществ допускают значительный простор для инновационной активности агентов, которые, в свою очередь, интенсивно преобразуют <существующие социальные> структуры» [1, с. 56]. Как сказал в своё время А. Турен, в социологию вернулась фигура человека действующего [см.: 2]. Рассматривая взаимоотношения социальных структур и агентов (социального действия), вслед за Э. Гидденсом, П. Штомпка говорит, что «разделение актуализации социальных структур и социальных агентов есть лишь аналитический приём. В действительности они тесно связаны» [3, с. 215]. Как неоднократно показывали социологи, в детском возрасте познание окружающего мира и его преобразования неразрывно связаны [см.: 4, с. 151] и лишь со школы знание профессиональное и навыки практического действия начинают разделяться.

В современной социологии сложилось понимание социального активизма как массового социального действия в публичном пространстве; действия, которое направлено на политическое, социальное, культурное или иное преобразование общества. Но не суживается ли тем самым рассматриваемое понятие до роли непрофессионального, в том числе уличного активизма? Что является критерием социального действия: поступок, массовое социальное действие или также и *работа социальной мысли*, направленная на изменение окружающего мира? А также социальное проектирование и конструирование? И куда в этом случае отнести распространённое в отечественной и зарубежной социологии понятие «научно-общественные исследования»? Или тот же аутсорсинг, когда учёный для подтверждения выдвинутой им гипотезы не может обойтись без помощи сотен, а иногда и тысяч людей, весьма далеких от науки?

Представляется, что практически всякое действие профессионала (как учёного, так и лица свободной профессии) является формой социального активизма, если оно направлено на умножение общего блага, на развитие науки и культуры общества. Более того, и во времена античности, но в ещё большей степени сегодня, *движение мысли*, направленное на изменение социальной действительности, её социальное конструирование или, напротив, разрушение, также является формой социального активизма. Разве греческий полис, равно как и современный эко-полис, не являются продуктами мыслительного процесса, направленного на изменение социальной действительности?

Ещё один аргумент в пользу более широкого понимания профессионального активизма как активизма социального. Долгое время и философия, и социология опирались на дихотомию «профессиональное–обыденное» знание. На этом принципе была построена вся философия эпохи Просвещения. Однако мало-помалу выяснилось, что «обыденное знание» или, в современной терминологии, локальное знание имеет гносеологически столь же весомый статус, как и знание научное, профессиональное [см.: 5].

На мой взгляд, локальное знание представляет собой перманентный процесс формирования и переформирования картины мира в конкретном локальном контексте с целью его изменения. Местное население рассматривается как полноценный социальный актор, участвующий в процессе выработки знания о «месте» и для «места», в формировании культуры «места», в том числе как партнёр исследователей в процессе научного производства. Это означает, что местное население является носителем знаний и ноу-хау, существенных для разработки научных доктрин и практических рекомендаций, то есть для социального планирования и конструирования.

Представляется, что практически всякое действие профессионала (как учёного, так и лица свободной профессии) является формой социального активизма, если оно направлено на умножение общего блага, на развитие науки и культуры общества.

Методологически данное утверждение соответствует базовому принципу социологии социального знания: «следуй за актором» [см.: 6; 7; 8].

Поэтому страхи и озабоченность местного населения ошибочно трактовать как «эмоции», «ложное восприятие» или как феномен толпы, «митинговщины». Они представляют собой важный источник познания социального мира, в котором мы живём. В частности, изучение этих страхов и озабоченности существенно само по себе, так как позволяет понять местные конструкции смыслов повседневной жизни. Более того, локальное знание – растущий по важности ресурс социальной модернизации общества, его подъёма через развитие локальных центров деловой и социальной активности, сохранения и укрепления местной идентичности, гармонизации интересов центра и периферии, чем сейчас озабочена наша властвующая элита. Необходимость такого поворота предвидели великие русские учёные, причём политическая публицистика для них была столь же важна, как и профессиональная деятельность. «Усиление научной работы, – писал Вернадский в начале XX века, – связанной с местной или национальной жизнью, позволяет использовать духовные силы народа так сильно, как никогда не удаётся их организовать в унитарной централистической организации. Местный центр использует и вызывает к жизни духовные силы, иначе не доступные к возбуждению» [9, с. 248].

В более узком плане локальное знание сегодня – это самосохранительная реакция местного населения на универсальную утилитаристскую (потребительскую) модель современного мира, созданную постмодернистской социологией. Когда господствует принцип «коллективной безответственности» (У. Бек), местное население вынуждено само быть экспертом и адвокатом в деле сохранения среды жизнеобеспечения и её безопасности. Но чтобы его голос был услышан, оно вынуждено либо объединяться в гражданские инициативы или общественные движения с привлечением профессионалов со стороны, либо вступать во взаимодействие с уже действующими научными и общественными организациями, возвращая профессионалов по конструированию элементов гражданского общества в собственной среде. Возникает фигура гражданского эксперта [см.: 10]. Замечу, что в современной социологии, и не только российской, интерес к пониманию социальной динамики «через человека», его микроисторию, через исследование его национальных и культурных корней растёт с каждым днём. Растёт по двум причинам. Потому, что нужны «свидетели повседневности», понимание мыслей и чувств маленьких, но действенных агентов исторического процесса. Но также и потому, что нужны не комментаторы «момента», а глубокие аналитики, требуется «обострение ума», по образному выражению П. Я. Чаадаева.

Местное население является носителем знаний и ноу-хау, существенных для разработки научных доктрин и практических рекомендаций, то есть для социального планирования и конструирования. Методологически данное утверждение соответствует базовому принципу социологии социального знания: «следуй за актором».

Когда господствует принцип «коллективной безответственности» (У. Бек), местное население вынуждено само быть экспертом и адвокатом в деле сохранения среды жизнеобеспечения и её безопасности.

Рассуждая о профессионализме, в том числе – о профессионализме социологов, мы забываем об элементарных принципах мироустройства. А именно – о диалектике науки и практики. Приведу практический пример из жизни того же В. И. Вернадского, 150-летие со дня рождения которого мир будет широко отмечать в марте 2013 г. Дело не только в том, что Вернадский, будучи выдающимся учёным, был одновременно земским гласным в Моршанском уезде Тамбовской области. То есть политическим актором. И даже не в том, что он в предреволюционную пору написал ряд статей, в частности о принципах возрождения сельского хозяйства в России, которые можно рассматривать как программные для возрождения сельского хозяйства России современной. Дело в том, что практически всю свою долгую жизнь он практиковал роль учёного-инициатора (инноватора). Работая над проблемой Курской магнитной аномалии, а затем над урановым проектом, Вернадский шаг за шагом «выращивал» организацию, способную практически реализовать его научную мысль. Сначала семинар, потом лаборатория, затем – научный совет и, наконец, научный институт. Но, проведя свой коллектив через все эти этапы, он никогда не становился администратором. Он отдавал эту роль кому-нибудь другому, а сам начинал разрабатывать новое, практически значимое научное направление.

Так что проблему «профессионал-социальный (политический) актор», скорее всего, следует рассматривать как диалектическую пару взаимно переходящих и взаимно стимулирующих форм социального действия. То есть, как систему с обратной связью, действующую в целях умножения общего блага. Другое дело, что на разных этапах человеческой истории, в том числе российской истории, степень погружения учёного в социальный или политический активизм была различной. Это в свою очередь означает, что данная проблема должна рассматриваться конкретно-исторически, контекстуально.

Исторический опыт России

Проблема «профессионал – социальный активист» является частью более общей проблемы соотношения государства и гражданского общества. Чем менее развито последнее и чем более социальный порядок создаётся и регулируется властью имущими (неважно монархия это или федеративное государство), тем выше, как правило, социальный активизм образованного класса. И совершенно безразлично, участвует ли интеллигенция в социальных акциях непосредственно, или же является выразителем общественного мнения социально озабоченной части гражданского общества. В российской истории XIX века «хождение в народ» всегда имело две формы: про-

Проблему «профессионал-социальный (политический) актор», скорее всего, следует рассматривать как диалектическую пару взаимно переходящих и взаимно стимулирующих форм социального действия. То есть, как систему с обратной связью, действующую в целях умножения общего блага.

светительской или социально и политически преобразующей деятельности. В. И. Ленин называл А. И. Герцена «революционным агитатором». Но эта агитация носила прежде всего просветительский характер. Хотя, как показали новейшие исследования российских историков, студенты и другие молодые профессионалы не только выполняли роль курьеров, распространяя герценовский «Колокол» в России, но и успевали делать научные исследования и даже докладывать их результаты на собрании российских императорских научных обществ.

Как подчёркивает российский историк Е. Л. Рудницкая, Н. Г. Чернышевский видел «глубинный смысл включения русского народа в общечеловеческое движение в направлении к европейской цивилизации – “обеспечение частных прав отдельной личности”, усвоение выработанной западноевропейской мыслью идеи свободы, противостоящей понятию “воля” и произволу, движение к гуманистическим духовным ценностям, которые несовместимы с “сонмом азиатских идей” и “приличны цивилизованным людям”» [11, с. 209]. Причём все они – от западников до славянофилов и от либералов до социал-демократов – подчёркивали, что, только овладев подлинным просвещением Европы, можно воспользоваться её опытом [11, с. 213].

Но Европа была для русских мыслителей не кладзем образцов, а средой, возбуждавшей их интерес к русской истории, осмыслению её специфики. Более того, всё сделанное там (ланкастерские школы, журналистская деятельность как просвещение и как выражение характера и мнений народа, перевод политических сочинений французских и английских авторов на русский язык), мобилизовалось для пользы России. П. А. Вяземский, А. И. Герцен, П. Я. Чаадаев, Н. Г. Чернышевский – все они подчёркивали значение *ответственности перед обществом* как нравственного императива социальных преобразований. Причём, цитирует Рудницкая мнение историка А. М. Сергеева, возвышение России «связывается Чаадаевым не с последовательным решением всё нарастающих проблем (они будут возникать вновь и вновь), а с пониманием её мировой роли и ответственности». Очень современная оценка! И – снова о роли личности в этом процессе. Рудницкая приводит пророческие слова В. В. Розанова: отсечение Чернышевского от общества, от «государственного строительства» было преступлением власти, открывавшим России прямой путь до поражения при Цусиме: «С выходом его <Чернышевского> в практику – мы не имели бы и теоретического нигилизма» [11, с. 214, 215]. Эти слова пророческие потому, что подтверждались самым практическим образом на протяжении столетия.

Вот как видел ситуацию в России мой дед, профессиональный военный врач-хирург Ф. Ф. Яницкий, участник русско-японской войны 1904-1905 гг., находясь в Манчжурии:

Проблема «профессионал – социальный активист» является частью более общей проблемы соотношения государства и гражданского общества. Чем менее развито последнее и чем более социальный порядок создаётся и регулируется властью имущими (неважно монархия это или федеративное государство), тем выше, как правило, социальный активизм образованного класса.

«По существу это движение [радикальной интеллигенции – О. Я.] мне не симпатично, ибо желая сделать для России якобы лучше в одном, оно губит Россию в другом. Мнящие себя передовыми людьми – что же сделали <они> хорошего для России? Они – воспользовались в высшей степени затруднительным и тяжёлым положением России вследствие войны – и стали вырывать у правительства согласие и разрешение на всякие реформы!... О чём это говорит? – О любви ли к Родине, о желании искреннем ей улучшения, добра, блага, или о корыстном властолюбии и честолюбии добиться своего путём насилия из-за угла? Россия изнывает на поле брани, а оставшаяся дома интеллигенция занимается тем, что четвертует и колесует бедную Россию, отвлекает силы и внимание от общего первейшей важности ратного дела, смущает умы и дома, и на полях брани..., а там – дома – готовится похищение власти из одних рук старого правительства в другие руки под видом европейского соуса, именуемого революцией, конституцией и пр.... Если бы люди, мнящие себя передовыми в России, – желали искренне добра Родине, – они, как это делали и делают теперь во всех народах и государствах мира, прежде всего сплотились бы все как один для одоления врага на поле брани, ибо там решается теперь судьба России – и государственная, и политическая, и экономическая, – а затем, покончив с этим величайшим делом, – занялись бы всеми силами устройством дел и у себя дома, их реформированием, изменением, организацией. Так говорит здравый разум! Не то сделали интеллигенты русские, они поступили наперекор здравому смыслу и послужили по праву посмешищем в Европе и даже в Японии, в руку которой они так много сыграли!» [цит. по: 12, с. 20-21].

Прав был князь П. А. Вяземский, говоря, что необходимо внедрять в сознание людей чувство гражданственности «от Амура до Невы» [11, с. 109]. «Что есть любовь к отечеству в нашем быту? Ненависть настоящего положения». «Бог голодных. Бог холодных, / Нищих вдоль и поперёк, / Бог имений недоходных / Вот он, вот он русский Бог!» [11, с. 109, 114] – это тоже Вяземский. А. И. Герцен, оценив обличительную силу стихотворения этого либерала, напечатал его в Вольной русской типографии в Лондоне отдельным листком. Интересно, мог бы написать что-нибудь подобное современный российский либерал?

Откуда такая прозорливость, уметь видеть перспективу и не терять частных? Много тому источников и объяснений, но главное – среда, которая воспитала и питала эти личности. Безусловно, и радикалы, и либералы, и западники, и славянофилы были профессионалами и личностями одновременно. Личностями, стоявшими «на плечах великих» и прежде всего русских и европейских просветителей. Они их читали, изучали, общались с ними лично и по переписке, причём это была

среда самая разнообразная: естественнонаучная, гуманитарная, политическая, журнально-газетная. Вследствие её культурного и политического разнообразия, плотности и интенсивности функционирования эти люди, даже если они были изолированы (вынужденной эмиграцией, высылкой, ссылкой), практически из этой *среды как среды духовной и интеллектуальной* не выпадали. Большинство из русских учёных и общественных мыслителей XIX-XX вв. были убеждены, что наука есть двигательная сила к достижению человеческого идеала – решению общественных вопросов.

1870-е и, в особенности, 1890-е гг. были отмечены в России интенсивным развитием общественных организаций во всех сферах жизни. Его пик приходится на годы революционно-демократического подъёма в начале XX века. Но дело было не только в этом взаимосвязанном росте социальной активности интеллигенции и рядовых граждан. Шло стремительное развитие местных инициатив, децентрализация прежде только столичных и губернских организаций. Не менее важны были и качественные сдвиги. Во-первых, деятельность этих организаций стала быстро выходить за профессиональные рамки, происходило их соединение с «публикой», которая представляла собой «мост» между профессионалами от науки и массами обычных граждан. Во-вторых, многие из общественных организаций стали выдвигать экономические и политические требования. В-третьих, они стали вливаться в общедемократическое движение. Тогда происходило то, что мы сегодня не можем никак осознать в полной мере: общественные организации, в которых соединились профессионалы и «публика», стали опорой и ресурсом социальных и политических преобразований в стране.

Конечно, и местные условия, и общий социально-политический контекст тогда были другими. Но есть некоторые системные закономерности исторического процесса, которые присущи большинству периодов социальных реформ. Снова приведу цитату из В. И. Вернадского, выдающегося профессионала-естественника, как выяснилось (уже много позже его смерти, по его дневникам, опубликованным только в 2000-х гг.), мечтавшим написать историю современной ему России/СССР «снизу», изнутри, по воспоминаниям и документам его современников.

Ещё в далёком 1892 г. он писал совсем не о закономерностях живой природы: «Общество тем сильнее, чем оно более сознательно... Когда есть ряд человеческих обществ и в этих обществах, государствах, в одних широко дана возможность мыслящим единицам высказывать, обсуждать и слагать своё мнение, в других – такая возможность доведена до *minimum*'а – то первые общества гораздо сильнее и счастливее вторых обществ. Если же в первых <обществах>, сверх того,

Большинство из русских учёных и общественных мыслителей XIX-XX вв. были убеждены, что наука есть двигательная сила к достижению человеческого идеала – решению общественных вопросов.

необходимые коллективные поступки делаются на основании правильно составленного мнения лучших людей, а во вторых <обществах> на основании мнения случайного характера людей случайных – то сила первых обществ ещё более увеличивается. В таком случае неизбежным образом для вторых обществ ставится на карту вопрос их существования, и жизнь в них становится труднее и безобразнее. Между тем, совершенствование первых обществ возможно лишь при обхвате ими всех людей, живущих в условиях необходимости внешних сношений, и возможно лишь при необходимом усложнении всех сторон будничной жизни. Вследствие этого правильность поступков общин второго типа становится меньше, а, следовательно, условия жизни входящих в их состав единиц с каждым годом всё менее благоприятны. Жизнь человечества всё более усложняется, сношения между людскими общинами увеличиваются, коллективные поступки других общин становятся всё правильнее – а потому ошибочность в поступках общин второго типа увеличивается и ненормальность их устройства становится яснее и серьезнее.

В таком случае является необходимость найти исход из <такого> ненормального положения. Мыслимы три случая. Или такая община или такое государство достаточно физически сильно и может направить данную силу дурно, то есть противно людскому благу и интересам прогресса; или же оно не может победить прочих государств и должно медленно или быстро разрушаться; или в нём достаточно людей с сильной волей и ясным сознанием, и эти люди могут изменить ненормальные условия жизни.

Существование таких людей необходимо во всех случаях. Их количество и качество решают судьбу государства. Между тем, все условия жизни в таких обществах препятствуют, вообще говоря, их образованию – а потому те, которые почему бы то ни было могли образоваться в таком государстве, должны особенно напрягать свои силы и жить особенно интенсивно и вдумчиво. В типичном подобном положении находится Россия...» [13, с. 218-219].

Не могу не отметить того постоянного акцента, который делал Вернадский на устойчивости, непрерывности обычной будничной человеческой жизни для успеха демократических преобразований, на роли самостоятельных действий обычных граждан. Продолжая обсуждать политическую ситуацию в России, Вернадский говорил, что коль скоро нет вокруг талантов или могучих публицистов, которые могли бы стать вождями-борцами, «обязанностью и делом простых русских граждан <является> пытаться *публично* разобраться самостоятельно самим в сложных явлениях жизни и растолковывать их, обсуждать сообща, пропагандировать их среди русского общества» [13, с. 219].

Если перевести сказанное на язык современной социологии, то для развития социального активизма необходимы: (1) диалог, обсуждение; (2) коллективные действия должны основываться на мнении «лучших людей»; (3) количество и качество думающих и социально активных людей «решают судьбу государства»; (4) если таких людей мало, рядовые граждане должны «напрягать свои силы и жить особенно вдумчиво», то есть мобилизоваться и уметь критически оценивать создавшуюся ситуацию; (5) общим условием их успеха является непрерывность «обычной, будничной жизни», то есть непрерывность социального контекста в его социальном и духовном аспектах.

Фазы превращения профессионала в активиста

В макромасштабе – это переход от максимы «Мы, профессионалы, знаем лучше!», то есть от чисто просветительской (директивной) парадигмы, к максиме «Мы, профессионалы, вместе с народом боремся за общее благо». То есть переход к парадигме демократической и активистской. Я не рассматриваю здесь эволюцию деятельности профессиональных имидж-мейкеров, спойлеров и других разрушителей массового движения граждан за свои конституционные права. Но такой контекст тоже присутствует, и мы должны его учитывать. Для нас важно, что превращение профессионала в социального актора начинается со смены его доминирующего взгляда на мир (shift of his/her dominant world-view). Следующая фаза его трансформации – это поиск себе подобных, диалог с ними, критическая оценка ситуации и достижение взаимопонимания и/или компромисса. То есть фаза, которую У. Бек называет «углублённой рефлексией». Потом – это поиск форм объединения и выработки общей социальной или политической программы. И, наконец, собственно коллективное действие, в котором профессионал может принимать участие в качестве идеолога, программиста, организатора, критика и непосредственного участника коллективных действий.

Следует подчеркнуть, что не всегда роль профессионала заключается в том или ином способе реального социального действия. Сегодня, в рыночный век, редко говорят об идеологии как о движущей силе массового действия. Уроки Октябрьской революции, а также современных «цветных революций» или «Арабской весны» [см.: 14], за редким исключением не осмысливаются, не отрефлексированы. Поэтому возьму для примера самый мирный случай: создание идеи (и идеологии) «Экополиса», то есть экологически обустроенного города [см.: 15], выдвинутую ещё в советские времена философом А. Брудным и биологом Д. Кавтарадзе.

Для развития социального активизма необходимы:
(1) диалог, обсуждение;
(2) коллективные действия должны основываться на мнении «лучших людей»;
(3) количество и качество думающих и социально активных людей «решают судьбу государства»;
(4) если таких людей мало, рядовые граждане должны «напрягать свои силы и жить особенно вдумчиво»;
(5) общим условием их успеха является непрерывность «обычной, будничной жизни».

Экополис никогда не был построен. Тем не менее, идея создания такого города оказала самое разное влияние на умы и поступки как профессионалов, так и эко-активистов. Во-первых, сама идея экологизации городской среды породила множество энтузиастов этого дела, которые, привлекая профессионалов и обучаясь на практике самостоятельно, смогли частично улучшить среду своего непосредственного обитания. Во-вторых, постепенно сформировалось междисциплинарное сетевое сообщество, состоящее из социологов, экологов, городских администраторов, врачей, учителей, архитекторов, дизайнеров – всех перечислить невозможно. В-третьих, идея Экополиса дала импульс воспитательной и просветительской работе по всей стране. В-четвёртых, что, наверное, самое важное, эти разные люди, периодически встречаясь лично или в сетях, стали многопрофильными профессионалами, научились переводить данные одних наук на другие, и теоретические разработки – на язык практики. В-пятых, разработана серия деловых игр на тему Экополиса. Вот прошло уже более 35 лет, а идея Экополиса, трансформируясь, продолжает оказывать влияние на профессионалов и эко-активистов в самых разных странах мира [см.: 16, с. 102-105].

Теперь – о личностном (индивидуальном) аспекте рассматриваемой проблемы. Изучая в течение нескольких десятилетий экологическое движение в России, я увидел, что присущее демократам XIX века «хождение в народ» существует и сегодня. Естественно, это хождение профессионалов-экологов с целью экологического образования и просвещения. Я предложил различать пять типов учёных-адвокатов и форм их сотрудничества с гражданскими инициативами экологических некоммерческих организаций (экоНКО) и социальными движениями. Условно их можно разделить на «нейтральные», «понимающие», «вовлечённые», «партнёрские» и «полностью интегрированные».

Первый тип – «нейтральный» или «отстранённый» – это сторонний учёный, которого время от времени различные экоНКО приглашают выступить в качестве эксперта или консультанта. Мотивы для такого взаимодействия могут быть разные, но в любом случае учёный не озабочен проблемами некоторой организации-заказчика как таковой. Обычно это профессионалы из академических или ведомственных НИИ, которых приглашают в качестве экспертов. Замечу, что государственная экспертиза существовала и в советские времена, так что к началу перестройки корпус экспертов уже существовал. «Нейтральные», работая в соответствии с наличными профессиональными стандартами или опираясь на свой профессиональный опыт (прецедент), выдавали оценки на своём профессиональном языке, принятом в данной отрасли знания.

Пять типов учёных-адвокатов и форм их сотрудничества с гражданскими инициативами экологических некоммерческих организаций и социальными движениями. Условно их можно разделить на «нейтральные», «понимающие», «вовлечённые», «партнёрские» и «полностью интегрированные».

Второй тип – «*понимающий*» – это учёный, периодически работающий с экоНКО и начинающий вникать и больше понимать проблемы, стоящие перед членами этой организации. Между учёными (или их группой) и НКО возникает контакт, выходящий за пределы конкретной задачи экспертной оценки. Между профессионалами и активистами налаживается взаимопонимание, вырабатывается общий язык общения и, в конечном счёте, учёный-профессионал (до известной степени) проникается заботами гражданских активистов.

Тем не менее, «понимающий» учёный не принимает участия во внутренней жизни и действиях данной гражданской организации. По аналогии с исторической ситуацией в СССР/России 1920-1960 гг. я квалифицирую этот тип как представителя научной общественности, похожего на тех, которые в 1930-1960-е гг. выступали от имени Московского общества испытателей природы или Московского филиала Географического общества СССР.

Третий тип – «*вовлечённый*» – это учёный, который, уже разделяя ценности и цели экоНКО, систематически с ними сотрудничает, но продолжает оставаться в среде науки как социального института (работник государственного НИИ или университета). Отличительной чертой «вовлечённого» типа является не только выполнение им некоторой профессиональной функции (оценки проекта, экспертное заключение, участие в общественных слушаниях), но и заинтересованность в успехе социального действия некоторой конкретной гражданской организации. Более того, «вовлечённый» уже принимает участие в деятельности некоторой экоНКО, хотя, как правило, не является её членом.

Следующий, четвёртый тип, который я назвал «*партнёрским*», представляет собой тех учёных, которые, оставаясь формально в своём учреждении (на кафедре, в институте), уже фактически являются активистами экоНКО и общественных движений. Тем самым «партнёр» удваивает свою институциональную принадлежность и идентичность. Формально это выглядит как совмещение научным работником двух и более мест работы или же его периодическое «колебание» между институтом науки и ячейкой гражданского общества. Данный тип учёного также можно назвать многоролевым, поскольку он попеременно решает научные, социальные и организационные задачи. Иными словами, формируется тип учёного-активиста, ориентированного уже не только на защиту данной гражданской организации или экологического движения, но и на их институционализацию, пропаганду их целей и ценностей во всём обществе.

Наконец, пятый тип, «*полностью интегрированный*», представлен научными работниками, которые, оставив своё место в НИИ или вузе, стали членами (или даже лидерами)

гражданских общественных организаций. Такой тип учёного не только владеет необходимыми профессиональными знаниями, но начинает сам вырабатывать их, исходя из стратегических целей конкретных гражданских инициатив или экологических движений. Это – уже *другие знания и ноу-хау*, которые вырабатываются на опыте российских или зарубежных инициатив и движений. В какой степени профессионал остаётся при этом учёным в классическом смысле, или это понятие сегодня тоже эволюционирует, ещё предстоит выяснить.

Пределным подтипом «полностью интегрированного» учёного является случай, когда учёный публично отказывается от научной карьеры и становится инициатором и/или организатором социального движения, что является самой сильной формой адвокативной мотивации (А. Д. Сахаров, А. В. Яблоков). В этом случае ситуация «переворачивается»: учёный-профессионал, ставший гражданским активистом, начинает формулировать требования гражданского общества к высокой науке [см.: 17].

Ситуация переворачивается

С течением времени те, кого принято в России называть политиками, теряют качества, необходимые политику: умение вести диалог, слышать оппонента, искать разумные компромиссы. Властвующая бюрократия сосредоточивается на задаче самосохранения, а не на достижении всеобщего блага и усилении экономической и политической мощи России. В то же время те, кого презрительно именовали «общественниками», аутсайдерами, лузерами, постепенно постигают науку политического и социального действия.

С течением времени те, кого принято в России называть политиками, теряют качества, необходимые политику: умение вести диалог, слышать оппонента, искать разумные компромиссы. Властвующая бюрократия сосредоточивается на задаче самосохранения, а не на достижении всеобщего блага и усилении экономической и политической мощи России. В то же время те, кого презрительно именовали «общественниками», аутсайдерами, лузерами, постепенно постигают науку политического и социального действия. Сначала просто как активисты, потом как гражданские эксперты, затем как публичные фигуры, и, наконец, как настоящие политики. В сущности, происходит простая вещь: эти люди обучаются в процессе социальной и политической практики. И, в конечном счёте, они обретают те качества профессиональных политиков, о которых говорилось выше.

Но ситуация «переворачивается» и в других отношениях. С нарастанием частоты и масштабов чрезвычайных ситуаций (пожаров, наводнений) в среде гражданского общества сформировались сети срочной и адресной помощи пострадавшим, которых нет в государственных структурах. Начавшись как волонтерство (добровольчество), это сетевое движение приобрело вполне профессиональный характер (у него есть стратегия и тактика, а также инструкторы, ресурсы, логистика, транспорт). Есть ещё одно направление профессионализации гражданского общества – это возникновение НКО, обучающих бизнес рациональному использованию ресурсов природы.

С течением времени те, кого принято в России называть политиками, теряют качества, необходимые политику: умение вести диалог, слышать оппонента, искать разумные компромиссы. Властвующая бюрократия сосредоточивается на задаче самосохранения, а не на достижении всеобщего блага и усилении экономической и политической мощи России. В то же время те, кого презрительно именовали «общественниками», аутсайдерами, лузерами, постепенно постигают науку политического и социального действия.

Причём это стадийный, хорошо организованный процесс добровольной сертификации, который сегодня уже приобрёл международный масштаб.

А какова же в этом процессе роль социолога? С моей точки зрения, «конструктивизм» у социолога должен быть в крови. Сегодня социология уже не может играть только роль «коллежского регистратора». Через отражение социальной действительности «в зеркале социологии», критическое осмысление этой действительности и далее к социальному действию – такова модель активистской социологии. Социология не только «вправе» вмешиваться в жизнь, но и обязана это делать. Я никогда не смог бы стать специалистом по российским экологическим движениям, если бы не был в течение многих лет включён в их деятельность. Всё дело в мере и формах этого включения. А. Турен ещё более 30 лет назад предложил методику «социологической интервенции». Мои коллеги и я под его руководством (и по его методике) в течение трёх лет работали с самыми разными группами общественных движений. Огромный опыт и навык публичного общения с социальными активистами остался на всю жизнь. По сути, социальное движение – публичный процесс, и если ты не знаешь, как к нему подойти, то лучше отойти совсем.

Теперь – о роли этического фактора. Участие социолога в социальном действии – его гражданский долг. В XIX веке не было социологии в современном её понимании. Но почему тогда имена Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова известны и почитаемы во всём мире до сих пор? Почему имена А. И. Герцена, Н. К. Михайловского, В. Г. Белинского тогда были столь значимы для русского общества? Да потому, что *это и была социология*, только облечённая в художественную форму максимального проникновения писателя или критика в тончайшую ткань межличностных отношений. Вместо сложного инструментария, который ставит современный социолог между собой и субъектом своего исследования, в те времена писатель и критик жили жизнью своих героев, и то, что во многих случаях автор отождествлял себя с персонажем своего произведения, совсем не случайно. Я это особенно остро почувствовал, изучая в последние годы пост-катастрофные состояния российских граждан. Вообще, вовлечение социолога в элиминацию последствий малых и больших катастроф – это тест на его способность быть социальным актором. Поскольку социология катастроф – это драматическая социология, то есть социология человеческих драм и несчастий в полном смысле этого слова. Ушёл И. С. Кон, и с ним ушла вся социология личности, личностного активизма. Что мы сегодня знаем о типах личности лидеров гражданского протеста? Практически ничего, потому что для этого нужно быть с ними рядом, наблюдать их, слушать, разговаривать. Для социолога, который хочет

С нарастанием частоты и масштабов чрезвычайных ситуаций (пожаров, наводнений) в среде гражданского общества сформировались сети срочной и адресной помощи пострадавшим, которых нет в государственных структурах.

С моей точки зрения, «конструктивизм» у социолога должен быть в крови». Через отражение социальной действительности «в зеркале социологии», критическое осмысление этой действительности и далее к социальному действию – такова модель активистской социологии.

быть одновременно социальным актором, важно понять, что участие не только в «проектах», но и в устройстве судеб людей непосредственно, «здесь и сейчас», – этический императив его деятельности и что режим этой деятельности – мобилизация своих знаний и умений, межличностный диалог, «вчувствование», эмпатия, а не дидактика или инструктирование.

Где же находится та точка, через которую социолог-профессионал чаще всего входит в роль социального актора. Это – социальный конфликт, столкновение интересов, где социолог должен определить свою социальную и нравственную позицию. Недостаточно изучать конфликт только «дистанционными методами» (опросами общественного мнения, изучением документов). Необходимо вхождение социолога в эпицентр столкновения противоборствующих сил, то есть превращение его в непосредственного участника конфликта, в инсайдера. Конечно, как было показано выше, степень такого вовлечения может быть различной. Но в любом случае возможность познания ситуации «изнутри» есть необходимое условие превращения социолога-профессионала в социального актора.

Публичность – ещё одно необходимое условие превращения социолога-профессионала в социального актора. Навык популяризации должен быть у социолога в крови. Лекции и семинары для студентов – это одно, а публичность – это другое. Если, конечно, социолог занимается наукой, а не только пиар-технологиями. Здесь есть одно принципиальное условие: публичность предполагает не только общедоступность, но и междисциплинарность, отказ от дисциплинарной зашоренности. Если вы не «владеете вопросом», волнующим публику, а такой вопрос никогда не бывает чисто социологическим, то вам нечего делать на публичной трибуне. Или только быть факиром, вбрасывая в аудиторию тот или иной набор цифр, оценок и т. п. Главная же задача публичного социолога: стать вровень с публикой и начать разговаривать с нею. Часто не столько даже важна проблема, сколько то, что вы обсуждаете её с рядовыми гражданами, с публикой. Нужны общественный резонанс, обратная связь, чувство аудитории.

Исходя из всего сказанного, я убеждён, что социология должна быть как минимум второй профессией. Здесь – прямая параллель с трудом писателя или газетного репортёра. В самом деле, А. П. Чехов, В. В. Вересаев, М. А. Булгаков были врачами, Л. Н. Толстой – артиллерийским офицером, М. Е. Салтыков-Щедрин – вице-губернатором, Грэм Грин – контрразведчиком. Как для писателя и репортёра, чтобы стать социологом, молодому специалисту необходимо «включённое наблюдение». Кстати, многие теоретики знаменитой Чикагской школы человеческой экологии (США) начинали именно как газетные репортёры (дословно: как «разгребатели грязи»). Пример моего одноклассника В. П. Волкова, в прошлом извест-

Где же находится та точка, через которую социолог-профессионал чаще всего входит в роль социального актора. Это – социальный конфликт, столкновение интересов, где социолог должен определить свою социальную и нравственную позицию. Возможность познания ситуации «изнутри» есть необходимое условие превращения социолога-профессионала в социального актора.

ного геохимика, а ныне российского историка, издателя и комментатора дневников В. И. Вернадского, также подтверждает мою мысль о «второй профессии». Да и путь автора этой статьи в социологию был отнюдь не прямым. Я благодарен судьбе за то, что она дала мне возможность побывать в совсем иных ролях. Личный жизненный опыт – бесценный ресурс для социолога, который хочет быть одновременно социальным актором.

Выводы

По моему мнению, сегодня активистская социология является мейнстримом социологии социальных изменений. А они не бывают без коллективного действия. Если мы не поймём целей и мотивов драйверов текущих перемен, мы не поймём, куда будет двигаться наше общество.

Активистская социология предполагает социальную активность как профессионалов, так и рядовых граждан, участвующих в преобразовании социальных структур. Степень и формы совмещения этих социальных ролей могут быть различными: от углублённой рефлексии до непосредственного участия в коллективном действии. Трансформация профессионала в активиста предполагает его этическую ориентацию на умножение общего блага, сочувствие и соучастие в разрешении социальных конфликтов и критических и даже катастрофических ситуаций. К сожалению, пока микро-социология, в частности социология местной жизни, у нас не в почёте, а уровень самоорганизации этой жизни ниже, чем 30 лет назад. Многие наши социологи не могут осознать важности владения локальным и/или ситуативным знанием, необходимости видения проблемы «снизу», в условиях специфического социального и культурного контекста. Никак не прививается у иных моих коллег максима «следуй за актором», когда исходной точкой социологического исследования должны быть интересы, потребности и образ жизни человека в конкретных условиях места: на земле или в сети – безразлично.

На макро-уровне социальный активизм предполагает серьёзные изменения в системе «наука-гражданское общество». Всё меньше остаётся «главных» центров, генерирующих «окончательные» решения. Структура коммуникации между научным сообществом и обществом в целом эволюционирует от вертикальной к горизонтальной. Она идёт от реализации научной концепции к диалогу, точнее – к многоголосию, в котором растёт значимость среднего знания, к диалогу, придающему первостепенное значение местным условиям и интегрированному субъективному восприятию. Это знание конструируется, пересматривается, реорганизуется в процессах диалога науки, властных структур и местного населения.

Активистская социология предполагает социальную активность как профессионалов, так и рядовых граждан, участвующих в преобразовании социальных структур. Трансформация профессионала в активиста предполагает его этическую ориентацию на умножение общего блага, сочувствие и соучастие в разрешении социальных конфликтов и критических и даже катастрофических ситуаций.

На макро-уровне социальный активизм предполагает серьёзные изменения в системе «наука-гражданское общество». Всё меньше остаётся «главных» центров, генерирующих «окончательные» решения. Структура коммуникации между научным сообществом и обществом в целом эволюционирует от вертикальной к горизонтальной.

Формирующиеся в ходе этого диалога типы учёных-профессионалов, которые являются одновременно и социальными акторами, хотя и различаются степенью и формами их вовлечённости в социальную активность, однако имеют общую ориентацию – благо общества.

Библиографический список

1. Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. – СПб: Интерсоцис, 2006.
2. Турен А. Возвращение человека действующего: Очерк социологии. – М.: Научный мир, 1998.
3. Sztompka P. The Sociology of Social Change. – Oxford, UK, Cambridge, USA: Blackwell, 1993.
4. Кон И. С. Детство как социальный феномен // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 2. № 2. С. 151-174.
5. Brush, S., Stabinsky, D. Valuing Local Knowledge. Indigenous People and Intellectual Property Rights. – Washington, D. C.: Island Press, 1996.
6. Яницкий О. Н. Производство социально-экологического знания. Политический и культурный аспект // Общественные науки и современность. 2006. № 6.
7. Irwin, A., Wynne, B., eds. Misunderstanding Science? The Public Reconstruction of Science and Technology. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
8. Irwin, A. Sociology and Environment. A Critical Introduction to Society, Nature and Knowledge. – Malden, MA: Polity, 2001.
9. Вернадский В. И. Задачи науки в связи с государственной политикой в России // Вернадский В. И. Публицистические статьи / Отв. ред. В. П. Волков. – М.: Наука, 1995.
10. Fisher, F. Citizens, Experts, and the Environment. The Politics of Local Knowledge. – Durham: Duke University Press, 2003.
11. Рудницкая Е. Л. Лики русской интеллигенции. Научные труды / Е. Л. Рудницкая. – М.: Канон+, 2007.
12. Яницкий О. Н. Семейная хроника. 1852-2002. Изд. 2-е, расширенное. – М.: ТАУС, 2012.
13. Вернадский В. И. Основую жизни – искание истины // Новый мир. 1988. № 3. С. 209-221.

14. Коротаяев А. В., Зинькина А. С., Ходунов А. С. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года. – М.: ЛКИ, 2012.
15. Брудный А. А., Кавтарадзе Д. Н. «Экополис». Введение и проблемы. Препринт. – Пущино. 1981.
16. Ignatieva M. Ecopolis-towards the total holistic city: Lessons in integration from the throughout the world, in: Stewart, G. and Ignatieva, M., eds. Proceedings of Urban biodiversity and ecology as a basis for holistic planning and design. Workshop. 2000.
17. Яницкий О. Н. Диалог науки и общества // Общественные науки и современность. 2004. № 6.